

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ВРАГ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.В. Докучаев (Москва)

Понятие врага выражает волю к нравственному и политическому различению. Различие реализует себя как осознание принадлежности к определенной политической или культурной общности. То, что эллины в силу культурной, государственной и родственной принадлежности составляют единую общность, служит для Платона доказательством невозможности квалифицировать (даже понятийно) противостояние внутри Эллады как аналогию внешнего противоборства. Платон не называет войной вооруженную борьбу между греческими полисами, используя для этого понятие раздора. Сфера политического и культурного различения проявляется в противопоставлении эллинского и варварского мира: сражение эллинов с варварами, их вражда называются не раздором, но войной, так как они враги по самой своей природе.

В древнейшей письменной форме фиксации римского права (*Leges XII Tabularum*) констатируется необходимость предавать смертной казни того, кто подстрекает врага римского народа к нападению на римское государство (греческий аналог дефиниции «враг народа» – «враг афинян», которому вменялось в вину стремление разрушить афинскую демократию). Латинское смысловая дихотомия *inimicus* (личный недруг) – *hostis* (политический враг, враг народа) закрепляет эту волю к различению и по отношению к внутренним врагам. Русская традиция в структуре смыслов слова «враг» (противник, супостат, неприятель, противник рода человеческого и т.п.) выявляет несколько основных, сущностно важных вариаций. Во-первых, враг – отверженный, кого извергли из родовой группы. Во-вторых, супостат. Противоположность слов «супостат» и «враг» подчеркивает В.В. Колесов: враги постоянны, супостаты же становятся явными во время сражения (князь половецкий – постоянный враг Руси). Враг вездесущ, тогда как супостат на виду, на линии боя – именно на это отличие от противника и врага и важно указать. «Супостат и враг» – это соответствие греческому «*polemios hegeteosis* – «выступивший против тебя враг» [2, с. 70]. Наконец, врагом называют нечистую силу, дьявола. У злой силы вообще нет никаких врагов, враг – это форма ее собственного бытия. В политических интерпретациях существует не менее четкая грань «свои» – «чужие».

«Чужое» понимается в его тотальности, как отрицание самой возможности нашего самостоятельного бытия. Таким же образом «враг» есть отрицание чужого, нравственное различие. «Такое различие, – писал Гегель в сочинении «Система нравственности», – есть враг; и различие, положенное в соотношении, существует одновременно в качестве его противоположности бытию противоположностей, в качестве «ничто» врага и это «ничто» для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы. Для нравст-

венного этот враг может быть лишь врагом народа, а точнее лишь каким-то народом» [1, с. 331].

В XVIII веке появляется идея внутренней войны, как условия выживания общества, защиты от опасностей, появляющихся в самом социальном организме. Принцип «врага народа» как «внутреннего врага» с особой тщательностью зафиксирован в известном Декрете от 10 июня 1794 года во время Великой французской революции. В этом документе объявляется об учреждении революционного трибунала для наказания врагов народа. Термин «враг народа» трактуется максимально широко, в эту категорию может попасть практически каждый: лица, стремящиеся уничтожить общественную свободу или Национальный Конвент и революционное правительство; изменившие республике; мешающие снабжению Парижа продовольствием; распространяющие ложные слухи; содействующие планам врагов Франции; старающиеся ввести в заблуждение общественное мнение; развращающие общественные нравы и совесть; пытающиеся ослабить энергию и чистоту революционных и республиканских принципов и т.п. По отношению к врагам народа устанавливается только один вид наказания – смертная казнь. Впрочем, еще до этого декрета, а именно в феврале 1794 года был принят Декрет Конвента о секвестре имущества врагов революции. Однако более поздний акцент, обусловивший стремление к слиянию политического и нравственного смысла категорий «враг революции» и «враг народа», выявил очевидное преимущество последнего концепта (идеологически более гибкого и исторически более традиционного). Согласно этой логике формировали свой политический язык и большевики в России.

В логике международных отношений постепенно закрепляется категория «враг человечества» (как вариант: враг «цивилизованного человечества»). Данный концепт фактически уравнивает какое-либо политическое сообщество (или группу, личность) с религиозным понятием «врага человеческого рода». Так как человечество не может быть врагом самому себе, то логически и понятийно определенный народ перестает быть частью человеческого сообщества. Соответственно, этот народ может быть демонизирован и объявлен «чудовищем из морских глубин» (как представители Госдепартамента США называют современную Россию) или любой другой inferнальной силой. Эта терминологическая подмена позволяет не утруждать себя доказательствами собственных утверждений, маскировать реальные политические интересы и цели и оправдывать совершенно бесчеловечное отношение к противнику. В настоящее время в связи с провокационным «отравлением» в Солсбери, России объявлен прямой дипломатический ультиматум: или признать себя врагом человечества (если согласиться с ложным авторством применения химического оружия на территории Великобритании), или объявить о неспособности гарантировать нераспространение технологий производства химических отравляющих веществ (следовательно, показать структурную и организационно-политическую неполноценность российского государства). В последнем случае речь неизбежно пойдет

об экстерриториальном международном контроле над российскими вооружениями и оборонными разработками. Это уже военный вызов. Поэтому современная дипломатия находится в непредсказуемой кризисной стадии. В сущности, в мировой политике XXI века Запад ориентируется не на поиск сотрудничества и компромиссов в рамках международного права, а на голую стратегию собственного выживания, которая может быть обеспечена только тотальным доминированием.

Таким образом, категория «враг» отражает одно из фундаментальных свойств политического бытия. Пока существуют политические и нравственные различия, то в прямом или замаскированном виде государство будет воспроизводить проблему дифференциации противников. Причем любое политическое сообщество, отказавшееся от тяжести данного различения, обречено на потерю собственного суверенитета в международных отношениях.

Источники и литература:

1. Гегель, Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1978. – 439 с.
2. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДАХ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРАДИПЛОМАТИИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИЙ

Ю.Г. Акимов (Санкт-Петербург)

Активизация международной деятельности субнациональных акторов (городов, регионов, муниципалитетов и др.) – одна из отличительных черт международных отношений конца XX – начала XXI в. Среди всего многообразия данных акторов выделяются субъекты федераций: провинции Канады, земли ФРГ и Австрии, штаты США, Мексики, Бразилии, Австралии, субъекты Российской Федерации и т.д. С одной стороны, это связано со спецификой их правового статуса (наличием ограниченного суверенитета), с другой – с количественными показателями (ряд субъектов по территории, населению и объему ВВП превосходят средние европейские государства). Многие субъекты федераций поддерживают контакты с зарубежными партнерами различного уровня, участвуют в деятельности международных организаций, осуществляют культурные и гуманитарные проекты, проводят собственную иммиграционную политику. Одной из важных задач, стоящих перед исследователями международной деятельности (парадипломатии) субъектов федераций, является выработка методов оценки данной деятельности, определение критериев ее эффективности. В данной статье будет рассмотрена методология, предложенная мексиканским политологом Хорхе Скьявоном для оценки внешних связей мексиканских штатов, и про-